УДК 902.6,/903.5/903.53/904 (470.5)
ББК 63.4стд1-6 (235.5)

Дата поступления статьи: 20.08.2022
Дата принятия статьи: 31.10.2022

«ВНЕДРЕНИЕ В МАЗУНИНСКУЮ КУЛЬТУРУ ТУРАЕВСКО-ХАРИНСКИХ ГРУПП»: К ДЕФИНИЦИИ ТИПОВ[1]

Александр Анатольевич Красноперов
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия
E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Аннотация. Формулировка проблемы объединяет три самостоятельных блока. «Классический» харинский культурный комплекс представлен находками в подкурганных погребениях поясной гарнитуры, обильно украшенной зернью. Датируется VI в. Группы разделены территориально, но разделение на самостоятельные археологические культуры нецелесообразно. Культурные отличия становятся существенно заметны только в после-харинское время. Во всех ареалах (Коми Республика, Пермский край, Удмуртия) харинские древности развиваются на гляденовской основе. Можно говорить о выделении двух более ранних этапов V в. и последней четверти IV – начала – первой половины V в. Тураевские курганы представляют собой изолированное явление в Прикамье. Типологические связи материалов ограничены перечнем из примерно десяти комплексов. Хронологически они синхронны самым ранним пред-пред-харинским комплексам, но реальной связи между Тураевскими курганами и харинскими могильниками нет. Мазунинская культура в «классическом» виде прекращает существование во второй половине IV в. В конце IV в. перестают совершаться погребения на всех могильниках к северу от р. Камы и на большинстве могильников к югу от нее. Территория запустевает. Мазунинские «этнографические» элементы с материалами V в. изучены только на Бирском и Бахмутинском могильниках в сочетании с керамикой «чандарского» типа. Хронология появления новых керамических групп пока не ясна. Фактически, мазунинская культура заканчивается до совершения первых погребений в Тураевских курганах и в харинских могильниках.

Ключевые слова: мазунинская культура, харинский тип, Тураевские курганы, хронология

Цитирование. Красноперов А.А., 2022. «Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп»: к дефиниции типов // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 269–282. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.008

Благодарности. Я благодарен за существенную помощь и поддержку в работе (музейные коллекции, архивы, литература, обсуждения, участие в раскопках) А.К. Бахшиевой (Уфа), В.А. Бернц (Ижевск), Д.Г. Бугрову (Казань), С.Л. Воробьевой (Уфа), И.О. Гавритухину (Москва), Э.В. Камалееву (Уфа), А.Г. Колонских (Уфа), В.И. Мухаметдинову (Уфа), А.Р. Нуретдиновой (Казань), М.Л. Перескокову (Пермь), Н.Л. Решетникову (Сарапул), Р.Р. Руслановой (Уфа), Е.В. Русланову (Уфа), А.Н. Султановой (Уфа), Е.В. Чуйкиной (Пермь), Е.А. Шаблавиной (СПб.).

UDC 902.6,/903.5/903.53/904 (470.5)
LBC 63.4стд1-6 (235.5)

Submitted: 20.08.2022
Accepted: 31.10.2022

«INTRODUCTION OF THE TURAEVO-KHARINO-TYPES GROUPS INTO THE MAZUNINO CULTURE»: TO THE DEFINITION OF TYPES

Alexander A. Krasnopeorov
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Izhevsk, Russia
E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Abstract. The article discusses three interrelated questions. The “classical” Kharino cultural complex is represented by finds of a belt set, richly decorated with granule, in burial mounds. Dated to the 6th century. The groups are territorially separated, but the division into independent archaeological cultures is inexpedient. Cultural differences become significantly noticeable only in the post-Kharino time. In all areas (Komi Republic, Perm region, Udmurtia), Kharino antiquities continue to develop on the basis of carriers of the Glyadenovo cultural type. We can talk about the allocation of two earlier stages of the 5th century AD and 4 quarters of the 4th – beginning – 1st half of the 5th century. The Turaevo barrows constitute an isolated phenomenon in the Kama region. The typological relationships of materials are limited to a list of approximately 10 complexes. Chronologically, they are synchronous with the earliest pre-pre-Kharino complexes, but there is no real connection between the Turaevo barrows and the Kharino burial grounds. The Mazunino culture in its “classical”

[1] Статья представляет собой расширенный вариант доклада, подготовленного к круглому столу «Археология миграций: древность, средневековье и Новое время» (Уфа, сентябрь 2022 г.). В первом информационном письме организаторами был предложен перечень блоков вопросов, представляющих, по их мнению, наименее решенные проблемы. Из них и родилась тема доклада к конференции.

form ends in the 2nd half of the 4th century. At the end of the 4th century, burials ceased in all burial grounds north of the Kama River, and in most burial grounds to the south. The area remains uninhabited for a long time. Mazunino "ethnographic" elements with materials of the 5th century studied only at the Birsk and Bakhmutino burial grounds in combination with ceramics of the "Chandar" type. The chronology of the emergence of new ceramic groups is not yet clear. Per se, the Mazunino culture ends before the first burials in the Turaevo barrows and in the Kharino burial grounds.

Keywords: Mazunino culture, Kharino type, Turaevo barrows, chronology

Citation. Krasnopeorov A.A., 2022. «Introduction of the Turaevo-Kharino-types groups into the Mazunino culture»: to the definition of types. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 269–282. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.008

Acknowledgements. I am grateful for the significant assistance and support for my work (museum collections, archives, literature, discussions, excavations) provided by A.K. Bakhshieva (Ufa), B.A. Bernts (Izhevsk), D.G. Bugrov (Kazan), S.L. Vorobyova (Ufa), I.O. Gavritukhin (Moscow) E.V. Kamaleev (Ufa), A.G. Kolonskikh (Ufa), V.I. Mukhametdinov (Ufa), A.R. Nuretdinov (Kazan), M.L. Pereskokov (Perm), N.L. Reshetnikov (Sarapul), R.R. Ruslanova (Ufa), E.V. Ruslanov (Ufa), A.N. Sultanova (Ufa), E.V. Chuykina (Perm), E.A. Shablavina (Saint Petersburg).

В публикациях по раннесредневековой археологии часто встречаются сложные конструкции, объединяющие несколько различных археологических групп памятников. Причем часто начинается с создания усложненного термина, а затем превращается в масштабные концепции передвижений больших масс населения через горы и огромные расстояния. И авторов этих работ не беспокоят различия в хронологии. Формулировка «внедрение», вынесенная в название данной статьи, предполагает историографический экскурс и возможность наметить пути решения. Фактически в названии объединены три археологических явления, которые и разбираются последовательно. Дальнейший текст оперирует только археологической составляющей (находки, объекты, их датировки, и их аргументация) без «этнической» идентификации и ярлыков.

Понимание харинского культурного комплекса

Находки с разрушающегося могильника близ д. Харино стали известны по собранию Теплоуховых и раскопкам В.Л. Борисова в 1900–1902 гг. ([ОАК 1900. С. 87–88; ОАК 1901. С. 115–116], ГЭ, колл. 570).[2] С 1927 г. в работах А.В. Шмидта [Schmidt, 1927; Шмидт, 1929] ранние материалы стали эпонимными для выделения эпохи распространения курганных могильников, которые в дальнейшем связали с формированием неволинской, ломоватовской, поломской и ванвиздинской культур. Специфическим маркером этой традиции, сразу резко выделившимся на фоне местных древностей, были особенности погребального обряда: ингумации в срубах в один венец, с дном, выстланным берестой, и перекрытые толстыми тесаными плахами, кремации с углями и не обгоревшими вещами в ямах и на дневной поверхности, перекрытые «сплошными» насыпями [Генинг, 1959а. С. 203–204; Генинг, Голдина, 1973. С. 61, 63, 65], находки элементов поясной гарнитуры и «калачевидных» височных подвесок с зернью и вставками [Красноперов, 2019].

Понимание культурного комплекса «харино» заложено работами 1970-х гг. [Генинг, Голдина, 1973; Голдина, 1968; Голдина, 1977].

Средневековые древности Верхнекамья VIII–IX вв. выделил А.А. Спицын в предисловии к атласу коллекции Теплоуховых [Спицын, 1902. С. 23, 27]. После работ ГАИМК А.В. Шмидт развил эти положения, выделив более дробные периоды [Шмидт, 1929]. Мнение было поддержано А.П. Смирновым [Смирнов А.П., 1952. С. 80, 81, 174, 176, 178, 180–182] и в ранних работах О.Н. Бадера, В.А. Оборина, В.Ф. Генинга [Генинг, 1953; Генинг, 1959б]. Здесь принципиально, что все материалы Пермского Прикамья вначале были отнесены к единой – ломоватовской – культуре, а собственно харинские памятники представляли ее ранний этап. Разделил единую ломоватовскую культуру на две самостоятельных – ломоватовскую и неволинскую – В.А. Оборин на II Уральском археологическом совещании [Оборин, 1961. С. 57].[3]

При обобщении материалов Р.Д. Голдиной было выделено четыре локальных скопления памятников:[4] Гайнская, Косинская, Туйская, Обвинская (единственный могильник – Б. Висимский) [Голдина, 1985. Табл. 1], отдельно от них – неволинская группа на р.Сылве [Голдина, 1968. Рис. 1], отдельно – находки харинских типов в поломских могильниках на р.Чепце [Генинг, 1958. С. 95–97; 1959б. С. 196].[5] Но некоторые памятники не впи-

[2] Благодарю за помощь в работе †Е.И. Оятеву (ОАВЕС ГЭ, СПб.).

[3] Но основания для этого гораздо любопытнее и к археологическим находкам отношения не имеют – «из числа памятников ломоватовской культуры должны быть *исключены* памятники в Кунгурской лесостепи, *поскольку* эти памятники *связаны не с коми-пермяцкой народностью*, а с угорскими племенами» ([Генинг, 1965. С. 340]; *курсив мой – А.К.*).

[4] Выделение групп непоследовательно: ни по рекам, ни по «пустым пространствам» (см. карты в указанных работах).

[5] Памятники на территории Коми еще не были известны.

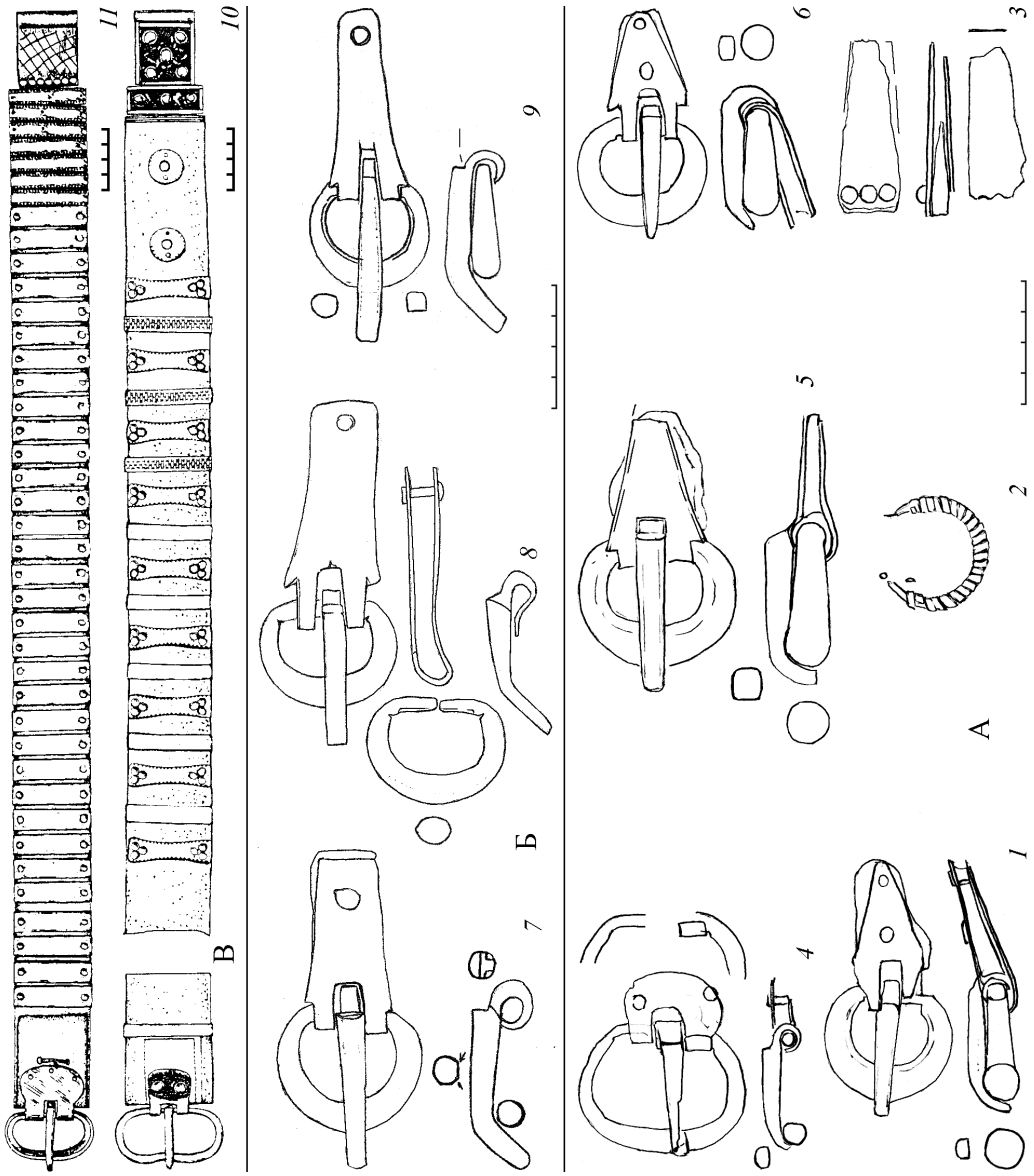

Рис. 1. Относительная хронология харинских древностей (схема). *А* – пред-пред-харино; *Б* – пред-харино; *В* – «классическое» харино. *1–6* – Качка; *7–9* – Харино; *10, 11* – Верх-Сая, к. 14 п. 1, п. 147 (*1–9* – рисунки автора; *10, 11* – по: [Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018. Табл. 22, *1*; 238, *7*])

Fig. 1. Relative chronology of Kharino antiquities (sketch). *A* – pre-pre-Kharino; *Б* – pre-Kharino; *B* – classic Kharino. *1–6* – Kachka; *7–9* – Kharino; *10, 11* – Verkh-Saya, к. 14 b. 1, b. 147 (*1–9* – author's pictures; *10, 11* – after: [Goldina, Perevozchikova, Goldina, 2018. Table 22, *1*; 238, *7*])

сываются в общую схему. Есть находки без специфического обряда; есть погребения с соблюдением обряда, но разительно отличающимся инвентарем. Несколько могильников вообще не получили культурной идентификации (Качка).[6]

Иную позицию занимал Ю.А. Поляков [Поляков, 1980. С. 17; Поляков, 2001], сейчас поддержанную и развитую М.Л. Перескоковым [Перескоков, 2018б. С. 100–105; Перескоков, 2020], которые считают харинские памятники последним этапом развития гляденовской культуры. Прежде всего, М.Л. Перескокову доступны материалы одного из, видимо, двух определяющих памятников гляденовской культуры – Мокинского могильника [Перескоков, 2018а; Перескоков, 2022], дополненные целенаправленным изучением других [Перескоков, 2017; Мингалев, Перескоков, 2016].

Вырванными из всех контекстов оказываются могильники на территории Коми. Совсем не изданы Юванаягский и Вомынъягский, практически не изданы Борганъель и Сэбысь. Диссертация Н.Н. Чесноковой, специально посвященная ванвиздинской культуре [Чеснокова, 1983], осталась не издана, несколько небольших заметок совсем не раскрывают проблему. Планомерного сопоставления коми- и прочих харинских групп, судя

[6] Определен как «типичный харинский» [Генинг, 1959а. С. 205], но не отнесен ни к ломоватовской, ни к неволинской культурам.

по всему (сужу по ее автореферату и выдержкам, использованным в «Археологии Коми» [Археология…, 1997]), не было. Ф.В. Овчинников собирал все находки харинских типов поясной гарнитуры независимо от территорий [Овчинников, 2005], но работу не завершил. В настоящее время постепенно стали появляться обобщающие статьи А.Л. Белицкой, но преимущественно, по погребальному обряду [Белицкая, 2014; Белицкая, 2015; Белицкая, 2016; Белицкая, 2018].

Для оценки харинских материалов в совокупности существенно беглое замечание Р.Д. Голдиной: «*различия* в культурах верхнекамского и сылвенского районов увеличиваются *в более позднее время*, в VI–VII вв.» [Голдина, 1968. С. 91] (*курсив мой – А.К.*), и определение: «памятники харинского типа представляют собой *единый культурно*-хронологическ*ий комплекс*; других курганов в верхнем Прикамье нет; содержат однородную, *стилистически единую группу вещей*» [Генинг, Голдина, 1973. С. 84] (*курсив мой – А.К.*).

Датировка полихромных находок собственно «харинских» типов в пределах VI в. разногласий не вызывает (рис. 1, *В*). Очевидно наличие более раннего пласта V в. (Броды, Мокино, Калашниково, Кала-Урын, Чазево II, Весляна(?), Юванаяг, Шойнаяг, Борганъель) (рис. 1, *Б*). Но типологические ряды показывают и предшествующий этап последней четверти IV – первой половины V в. (Качка, Мокино, Бурково, Чазево II(?), Агафоново, Варни)[7] (рис. 1, *А*). Относить их к «харино», разделять на «харино А» и «харино Б» (М.Л. Перескоков) [Перескоков, 2014], выделять «горизонт Кала-Урын–Броды»[8] (И.О. Гавритухин) – в контексте рассматриваемой темы вопрос не только номинатива. Но если вернуться к отвергнутым самими авторами ранним идеям, то 1) культурные отличия действительно проявляются позднее, в после-харинское время, 2) памятники всех ареалов развиваются на гляденовской основе, 3) харинские типы представлены везде (Верхняя Кама, Сылва, Чепца, Вычегда). Нет необходимости придумывать дополнительные названия в каждой из культур.

Понимание «тураевского» культурного комплекса

Понимания культурного комплекса Тураевских курганов, скорее, нет. В *подавляющем* большинство работ не обсуждается археология, а постулируются выводы про «этничность» погребенных, – они не стоят даже перечисления. Тураевские курганы – 9 насыпей над 1–3 погребениями, раскопанными В.Ф. Генингом у с. Тураево Менделеевского района Татарстана в 1959–1960 и 1969 гг. Они изданы дважды [Генинг, 1976; Gening, 1995], но не полностью.[9]

Фактически, погребенные в амуниции, избыточной в условиях лесной зоны, в глубоких ямах с подбоями и каменной заброской, под курганами, не имеют соответствий в местных культурах. Датировка особых расхождений не вызывает. В инвентаре имеются хронологические различия по времени формирования наборов, возможно определяющиеся возрастом умерших. При этом, совокупная хронология очень плотная, в пределах от середины IV до рубежа IV/V в.[10] (рис. 2, *А*). Действительный интерес представляет соотношение курганов с ближайшим могильником с типично местным инвентарем.[11] Расположенные здесь же грунтовые могильники мазунинской культуры нет оснований датировать позднее середины IV в., а курганные и грунтовые комплексы хронологически между собой не смыкаются.

Круг соответствий набору инвентаря среди материалов Предуралья очень ограничен: Первомай, п. 9 [Голдина, Лещинская, Макаров, 2014. Табл. 139–142] (рис. 2, *Б*), Тарасово, пп. 43 (рис. 2, *Д*), 1802 [Голдина, 2003. Табл. 16/43, 679, 680] (рис. 2, *В*), Кудаш, п. 206 [Казанцева, 2021. Рис. 1; 2] (рис. 2, *Ж*), Мокино, пп. 255 (рис. 2, *Г*), 232 [Перескоков, 2018а. Рис. 9В, 10А, 11В], Броды, к. 26/п. 1 [Голдина, 1986. Табл. 15, *1–8, 17–19, 23, 24, 26, 27, 32, 37*] (рис. 2, *Е*).

Возможная параллель особенностям обряда в этом хронологическом диапазоне – Кантемировские курганы [Рудинський, 1931; Обломский, 2002. Рис. 91, 92. С. 80–81] (рис. 2, *З*). В плане сопоставления интересны комплексы, перечисленных И.Н. Храпуновым [Храпунов, 2021. С. 87], особенно Дружное, п. 84 [Храпунов, 2002. Рис. 194–201; особенно рис. 200] (рис. 2, *И*) и находки костяка в слое штурма с внутренней стороны вала Булганакского городища [Храпунов, 1987. С. 40. Рис. 1, *1, 2, 6*].

Количество погребений невелико, встречаются они небольшими группами, но на тех же могильниках, что и «местное» население, причем занимают последовательное положение в общих рядах погребений. Это свидетельствует о том, что вариант с масштабнейшими миграциями через половину Евразии археологическими матери-

[7] Большинство могильников очень «долгие». Многие из них основываются к V в. и продолжают функционировать до IX–X–XI вв. (напр. Аверино, Броды, Варни, Митино и др.).

[8] Который, кстати, не включает последнюю четверть IV в. Примерно соответствует времени пред-харино – раннее харино (V в).

[9] Готовится систематическая публикация этих коллекций.

[10] Подробная доказательная база изложена И.О. Гавритухиным в специальном разделе, посвященном Тураевским курганам, подготовленным для издания «Археология Волго-Уральского региона».

[11] Монтаж планов Р.Д. Голдиной [Голдина, Бернц, 2010. Рис. 4; 5] не соответствует действительности (доклад на конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» в музее-заповеднике «Куликово Поле» в ноябре 2019 г.), хотя курганный и грунтовый могильники располагаются на одной площадке.

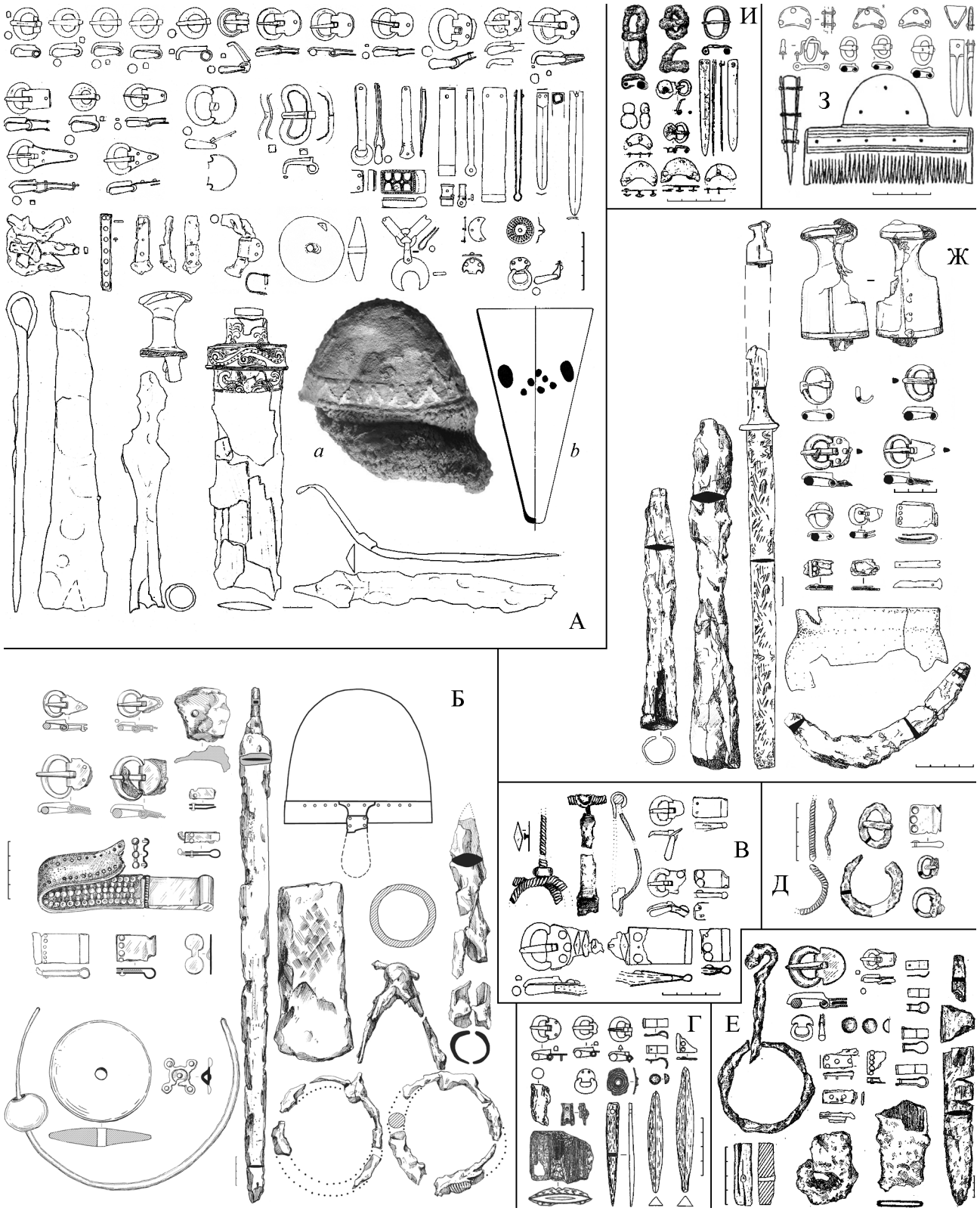

Рис. 2. Контекст находок из Тураевских курганов (схема). *А* – Тураево (рисунки автора; шлем (*а*) – по: [Радюш, Кубик, 2019. Рис. 7]; стакан (*b*) – реконструкция формы И.О. Гавритухина); *Б* – Первомай, п. 9 [Голдина, Лещинская, Макаров, 2014. Табл. 139, *3–11*; 140, *1, 2, 5–8*; 141, *1, 5, 6*; 142, *1*]; с корректировками и добавлениями автора); *В* – Тарасово, п. 1802 [Голдина, 2003. Табл. 679, *6–2*; 680, *1–11*]; с корректировками и добавлениями автора); *Г* – Мокино, п. 255 [Перескоков, 2018а. Рис. 9, *В–1, 2, 4*; 10, *А–6–8, 10–17, 19, 20*]; *Д* – Тарасово, п. 43 [Голдина, 2003. Табл. 16, *43*]; *Е* – Броды, к. 26 п. 1 [Голдина, 1986. Табл. 15, *7, 8, 23, 24, 26, 27, 32, 37*]; с корректировками и добавлениями автора); *Ж* – Кудаш, п. 206 [Казанцева, 2021. Рис. 1; 2, *1, 2, 4*; 3, *4–6, 9, 10, 12, 14, 17*]; *З* – Кантемировка, п. 3 [Обломский, 2002. Рис. 91]; *И* – Дружное, п. 84 [Храпунов, 2002. Рис. 200, *3, 5, 6, 8, 9, 14, 15, 18, 19, 25–27*]

Fig. 2. Context of finds from Turaevo barrows. *А* – Turaevo; *Б* – Pervomay, b. 9; *В* – Tarasovo, b. 1802 (with author's amendments and additions); *Г* – Mokino, b. 255; *Д* – Tarasovo, b. 43; *Е* – Brody, barrow 26, burial 1; *Ж* – Kudash, b. 206; *З* – Kantemirovka, b. 3; *И* – Druzhnoe, b. 84

алами не подтверждается. А вот вариант участия групп/отрядов (несколько разновременных событий [Красноперов, 2012. С. 222], см. также точку зрения И.О. Гавритухина) выходцев из Прикамья в военных кампаниях на восточных рубежах Римской Империи представляется наиболее реалистичным (не соглашусь только с предположением И.О. Гавритухина о погребениях в перерывах между «войнами»).

Понимание мазунинского культурного комплекса

Первые находки публиковали Н.И. Булычов [Булычов, 1902. С. 13. Табл. IV, *1–6*; Булычов, 1904. С. 8–11. Табл. III] и И.Н. Смирнов [Смирнов И.Н., 1895. С. 196]. Раскопки Бахмутинского могильника остались неизвестны [Шмидт, 1929. С. 16–23; Смирнов А.П., 1957. С. 50–54. Табл. VI, VII; Минеева, 2004. Цв.вкл.]. Лишь работа А.В. Шмидта [Шмидт, 1929] заложила основы относительной хронологии древностей в Башкирии. Спецификой этой группы памятников является распространение в двух субъектах уровня АССР, в каждом из которых культуру старательно пытались включить в непрерывность своего этногенеза, а основной последовавший спор превратился в чистую схоластику – каким словом называть группу памятников с *условно* одинаковыми материалами. Различия между подходами В.Ф. Генинга и Н.А. Мажитова, видимо, в первичном основании выделения культуры. В.Ф. Генинг оперировал могильниками [Генинг, 1967], прибавляя к ним материалы практически не изучавшихся поселений. Н.А. Мажитов оперировал резко выделяющейся керамикой, но из случайных сборов и шурфов, лишь позже дополненной тремя могильниками [Мажитов, 1968], два из которых многокомпонентны.[12]

Современные представления о характерных признаках культуры полностью сформировано на основе систематизации Т.И. Останиной. К сожалению, между публикацией [Останина, 1997] и написанием [Останина, 1983] прошло 15 лет, за которые изменился не только внутренний материал (из могильников – Тарасовский, Тураевский грунтовый, Усть-Сарапульский, Старо-Муштинский, Бирский; и очень много поселений в Башкирии), но, что очень важно, сравнительные материалы и основания их датировок. К 1983 г. Т.И. Останиной был доступен только первый год раскопок Тарасовского могильника, который был учтен [Останина, 1997. Рис. 24, 26]. Но кардинальные перемены в сарматской хронологии, произведенные А.С. Скрипкиным в середине 1980-х гг., должны были сказаться на датировках к 1997 г., чего не случилось. В любом случае, именно обобщающей характеристикой Т.И. Останиной оперируют все исследователи, в т.ч. и Р.Д. Голдина, вводящая в оборот новые названия, но в описаниях полностью цитирующая Т.И. Останину.

Выделенные Т.И. Останиной варианты [Останина, 1997. Рис. 79] опровергаются реальными материалами. Вследствие перемен в сарматской хронологии (А.С. Скрипкин, С.И. Безуглов, В.Ю. Малашев) не срабатывает и периодизация. Вернее, динамика типологических рядов (височные подвески, бабочковидные фибулы) остается в силе, но, важно, что 1) она не равнозначна, есть более «короткие» и более «долгие» типы, и 2) она (динамика) не синхронизируется между категориями, эволюция фибул во времени не совпадает с эволюцией височных подвесок. Но важнейшие перемены произошли в датировках поясной гарнитуры в принципе. Все ведущие признаки описал А.К. Амброз, но большинство работ вышло пост-фактум и наблюдения разбросаны по текстам. Фактически материал систематизирован В.Ю. Малашевым [Малашев, 2000; Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015. С. 99, 100], определившим, что динамика изменений элементов (рамка, язычок, щиток) не синхронна, что, в принципе, девальвирует «чистые» типологии по одному ведущему признаку. Серьезной проблемой являются критические ошибки в рисунках, когда значимые для датирования признаки оказываются изображенными не верно,[13] или «убиты» чудовищной штриховкой.

Даже визуально заметно, что для мазунинских украшений (височные подвески, бабочковидные фибулы, поясная гарнитура) характерно использование разного металла, бронзы и железа. Также заметно, что эти две группы различаются прочими деталями. С бронзовыми пряжками встречаются накладки типов [Останина, 1997. Рис. 11, *14–24, 29, 34*], бляхи из раковин, ножны группы «И» [Красноперов, 2018а], сарматские фибулы (рис. 3, *II–Б*). В погребениях, где много железных предметов, они редки, зато распространены накладки [Останина, 1997. Рис. 11, *28, 33, 35, 36*], ножны групп «П» и «СтК», пронизки в виде медведей и уточек, асимметричные фибулы с широким кольцом для удержания оси пружины, височные кольца (рис. 3, *II–Г*), здесь же гораздо больше оружия.[14] Собственно, *примерно* эти наборы Т.И. Останина предлагала считать территориальными. Но если посмотреть на датировки сопутствующей поясной гарнитуры (рис. 3, *I*), группы являются хронологическими. Из них «бронзовая» более ранняя и распространена относительно повсеместно по всей территории культуры, а «железная» более поздняя и заметно

[12] На одной площадке, но не факт, что непрерывные. С этим вопросом еще предстоит разбираться.

[13] На основании сечения на псевдо-рисунке В.Ю. Малашев посчитал, что пряжка из Бродов «принципиально отличается» от пряжек из Тугозвоново, Брюхановского и Муслюмово [Малашев, 2000. С. 205]. В реальности пряжки из Бродов и Тугозвоново очень близки (см.: [Красноперов, 2019. Рис. 1А, *2*; 6, *1–4*. С. 116. Прим. 43], что синхронизирует их.

[14] Выделяются и более мелкие/краткие группы, ранние [Красноперов, 2018б] и переходные, но более дробное деление здесь не принципиально.

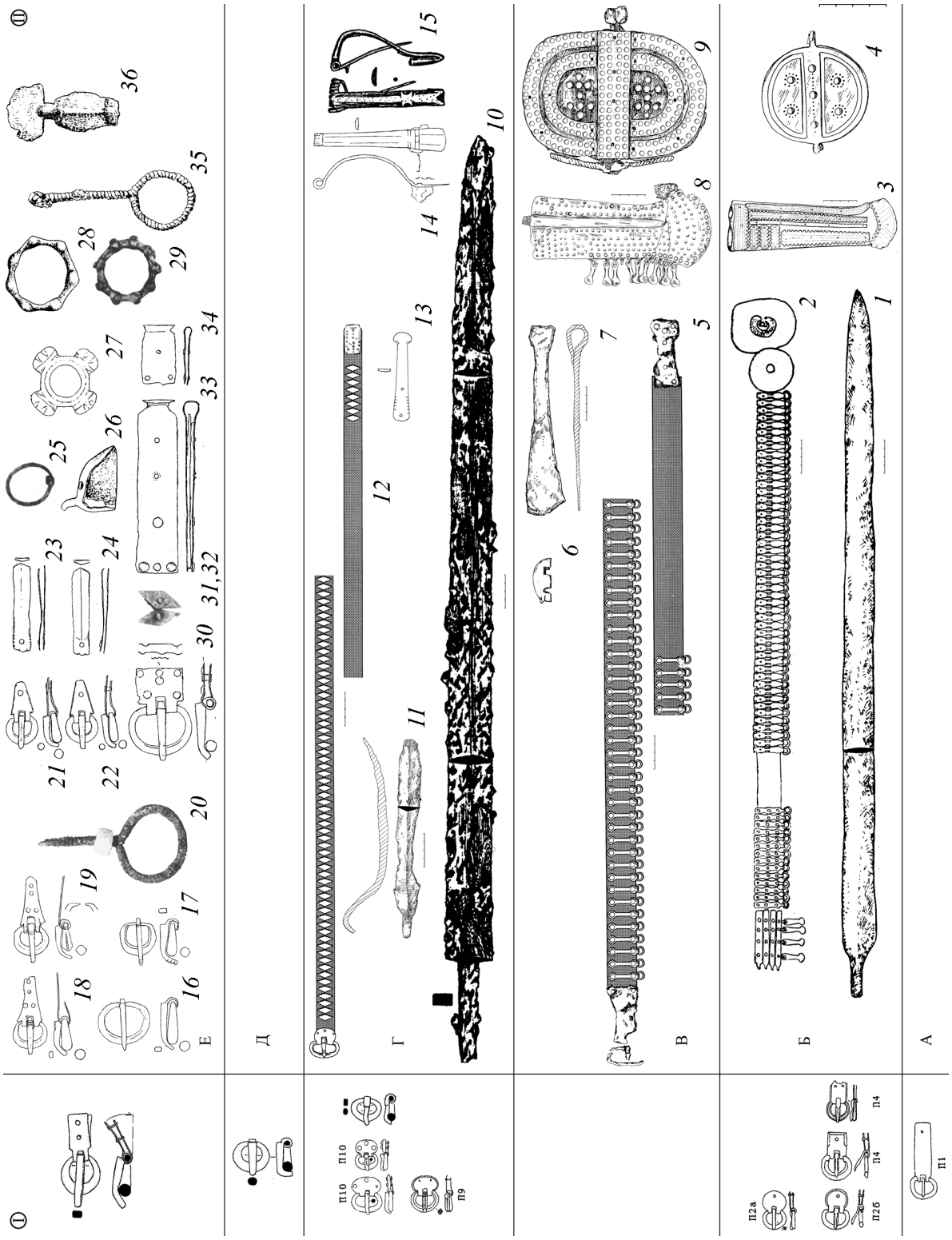

Рис. 3. Относительная хронология мазунинских древностей. Схема.

I – относительная хронология пряжек «сарматских» типов ([Малашев, 2000. Рис. 2], с изменениями; [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015. Рис. 203, *2*; 204, *2, 17*]; номера соответствуют типам по В.Ю. Малашеву);

II – схема развития некоторых типов инвентаря из мазунинских и бахмутинских могильников. *1, 8* – Покровка [Останина, 1992. Рис. 23, *3*; 32, *7*]; *2* – Ижевск [Останина, 1984. Табл. 23, *1*]; *3, 4, 6, 7, 11, 12, 14* – Тарасово [Голдина, 2003. Табл. 67, *4–2*; 133, *5*; 197, *2*; 672, *8*; 681/1803, *6*]; *5, 9, 13* – Тураево [Голдина, Бернц, 2010. Табл. 203, *4*; 221, *2*; 222, *1*]; *10, 15* – Старая Мушта [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. Рис. 30, *14*; 36, *1*]; *16–36* – Бирск, пп. 52, 128 (выборочно) (рисунки автора; [Мажитов, 1958. Табл. 19, *3, 6, 7, 10*; Мажитов, 1959. Табл. 47, *7*; Мажитов, 1960. Табл. 31, *1, 9*; 34, *4*]) (незаполненные ячейки в настоящей статье не обсуждаются)

Fig. 3. Relative chronology of Mazunino antiquities. Sketch. *I* - relative chronology of belt-buckles of "Sarmatian" types; numbers correspond to the types after V.Yu. Malashev ; *II* – graph to illustrate development of certain types of tools belonging to Mazunino and Bakhmutino burials. *1, 8* – Pokrovka; *2* – Izhevsk; *3, 4, 6, 7, 11, 12, 14* – Tarasovo; *5, 9, 13* – Turaevo; *10, 15* – Staraya Mushta; *16–35* – Birsk, ba. 52, 128 (partly)

превалирует на левом берегу р. Кама. Далее, совершенно очевидно, что пряжек, показательных для V в. н.э. на правом берегу Камы нет. Они есть на Чепце, на Вятке, на Волге, на Белой, в пермском Прикамье. Внутри петли Камы (правый берег Камы, левый берег Чепцы, левый берег Вятки) пряжек V в.[15] нет ни одной. Учитывая, что вокруг они есть, вывод может быть только один – территория пуста.[16] Тут не было населения.[17] Однако характерные «этнографические» мазунинские вещи – височные подвески, бабочковидные фибулы – не пропали. Они есть с пряжками V в. на Бирском могильнике (напр., погр. 18, 23, 40, 52, 61(?), 71, 81, 125, 128, и др.)[18] (рис. 3, *II–E*). Все однокомпонентные собственно мазунинские могильники прекращают функционировать во второй половине IV в.[19] Финал мазунинской культуры (ее постепенная трансформация в бахмутинскую) находится в пределах второй половины IV – V вв. Развитие продолжается только на многокомпонентных могильниках – Бирском, Бахмутинском, Никольском. Т.е. население продолжает жить, но жить южнее. Заодно, *примерно*[20] в это время распространяется «чандарская» керамика, составляющая характерную особенность бахмутинской культуры.

Для решения вопроса о причинах оставления правобережья Камы оснований в ближайшее время не предвидится. Остается комплекс вопросов с датировкой времени появления групп керамики в Башкирии: чандарской, имендяшевской и др. Принципиально они решаемы, хотя и не просты.

***

Вернемся к формулировке названия в свете хронологии. «Харино» в чистом виде (детали пояса с декором зернью) (рис. 1, *В*) датируется VI в. Однозначно существует пласт пред-(«чистое»)-харино V в. (рис. 1, *Б*). Вероятно, есть пласт пред-пред-харина последней четверти IV – начала – первой половины V в. (рис. 1, *А*). «Чисто»-харинские находки очень своеобразны. Таких в мазунино нет. И быть не может просто потому, что мазунино заканчивается на 100 лет раньше.

Тураевский комплекс, именно как комплекс, совокупность (рис. 2, *А*), тоже совершенно чужд мазунинскому. Хронологически эти группы несколько различаются. В плане инвентаря сопоставление допустимо лишь для нескольких комплексов (рис. 2, *Б–Ж*), что говорит о хронологии, а не о «внедрении».

Хронология мазунино/бахмутино продолжает оставаться на уровне середины 50-х гг. XX в. Прошло 70 лет. Никаких изменений, только повторы и пересказы из В.Ф. Генинга. Это не «традиция», это стагнация. И так не годится. Нужно обсуждать археологию (находки, вещи, конкретные объекты), а не кто от кого произошел.

Синхронизация групп возможна только на этапе пред-пред-харино.

Внедрение находок VI в. в то, что в основном закончилось в IV в., несколько затруднительно. Но начинать надо с перепроверки хронологических оснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.

Белицкая А.Л. Разрушенные погребения курганных могильников европейского Северо-Востока // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 2014. С. 279–282.

Белицкая А.Л. К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока // Российская археология. 2015. № 2. С. 101–109.

Белицкая А.Л. Целенаправленные разрушения погребений курганных могильников Европейского Северо-Востока // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. С. 179–188. (Тр. ИИМК РАН. Т. 46)

Белицкая А.Л. Проблематика изучения этнокультурных процессов на Европейском Северо-Востоке в середине I тыс.н.э. // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: СГСПУ, 2018. С. 266–268.

Булычов Н.И. Древности из Восточной России. Вып. 1. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. 30 с.

[15] Про «V в.» в Тарасовском могильнике обсуждать нечего.

[16] Какие-то локальные отдельные, скорее всего небольшие, или даже маленькие, группы с традициями чандарской керамики «посещали» правобережье. Но оснований датировать эти эпизоды именно V в. нет. А дата появления самой чандарской керамики пока не ясна. Это могло происходить и в IV(?), и VI в.

[17] Запустение было масштабным. Если отбросить неубедительные концепты «верхнеутчанской» и «чумойтлинской» культур, то находки VI, VII (напр., геральдических типов; именьковская или кушнаренковская керамика) есть, но очень точечно. Предметов салтовского времени, кажется, нет. Есть очень немного булгарской керамики, еще меньше вещей (на самих булгарских поселениях находок всегда очень много). Более-менее заметное количество находок появляется к XV в. Списать это на неизученность территории невозможно. Напр., Каракулинский район сплошь покрыт памятниками [Голдина, Черных, 2011], но не этих эпох.

[18] Может быть даже позже, в VI в., предварительные наблюдения [Красноперов, 2007].

[19] Аналогично – во второй половине IV в. прекращаются захоронения на азелинских могильниках на р. Вятка.

[20] О датах этой группы событий пока говорить рано.

Булычов Н.И. Древности из Восточной России. Вып. 2. СПб.: Товарищество Художественной печати, 1904. 15 с.

Генинг В.Ф. Бродовский могильник // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 87–98.

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1958. 192 с.

Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты Камской (Вятской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: ИА АН СССР, 1959а. С. 196–209.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманит. наук. Вып. 2. Казань, 1959б. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения // Acta Archaeologica Hungarica. T. XVII, fas. 1–4. Budapest, 1965. S. 335–342.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УрГУ, 1967. С. 7–84. (ВАУ. Вып. 7)

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1973. С. 60–125.

Голдина Р.Д. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы // Ученые записки Перм. гос. ун-та. № 191. Пермь, 1968. С. 87–98. (Тр. КАЭ. Вып. 4)

Голдина Р.Д. К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. С. 42–51.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 279 с.

Голдина Р.Д. Исследование курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1986. С. 49–98.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 2. Ижевск: Удмуртия, 2003. 724 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: УдГУ, 2010. 499 с. (МИКВАЭ. Т. 17)

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Макаров Л.Д. Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск: УдГУ, 2014. С. 212–445. (МИКВАЭ. Т. 27)

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: УдГУ, 2018. 720 с. (МИКВАЭ. Т. 19)

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской республики. Ижевск: УдГУ, 2011. 168 с. (МИКВАЭ. Т. 18)

Казанцева О.А. Обряд парных погребений в Кудашевском I могильнике Пермского Прикамья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 2. С. 341–353. DOI: http://doi.org/10.35634/2224-9443-2021-15-2-341-353

Краснопёров А.А. К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова. Материалы междунар. конф. Уфа: Китап, 2007. С. 265–275.

Красноперов А.А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 218–254.

Красноперов А.А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2018а. С. 116–126.

Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018б. № 1. С. 56–86.

Красноперов А.А. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 103–190.

Мажитов Н.А. Научный отчет об исследованиях археологической экспедиции ИИЯЛ в 1959 г. в северных р-нах Башкирии // Архив ИА РАН. Р–1. № 2005а.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях ИИЯЛ в Бирском, Покровском, Нуримановском р-нах БАССР за 1960 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2105а.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и

их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д.: Гефест, Терра, 2000. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1)

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Хронология и культурная принадлежность Калашниковского курганного могильника (по материалам раскопок 1982 г. и 2012 г.) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 9–12 февр. 2016 г.). Пермь: ПГНИУ, 2016. С. 145–154.

Минеева И.М. Археологические исследования в музеях Башкортостана: опыт исследования и проблемы современности. Уфа: Гилем, 2004. 204 с.

ОАК за 1900 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902. 173 с.

ОАК за 1901 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1903. 198 с.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М.: Наука, 2002. 522 с. (Раннеславянский мир. Вып. 5)

Оборин В.А. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете 1–7 февраля 1961 года. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 53–65. (ВАУ. Вып. 1)

Овчинников Ф.В. О происхождении харинской поясной гарнитуры (к вопросу о происхождении культуры харинского типа) // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 47–61. (МАЕСВ. Вып. 17)

Останина Т.И. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1983. 18 с.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия / Науч. ред. Т.И. Останина. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Алфавит, 1992. С. 1–94.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево – Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 2014. С. 378–381.

Перескоков М.Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 1. С. 84–97. DOI: http://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-84-97

Перескоков М.Л. Археологические критерии социальной структуры населения Пермского Прикамья на позднем этапе гляденовской культуры (по материалам Мокинского могильника III–V/VI вв. н.э.) // Stratum Plus. 2018а. № 4. С. 47–70.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018б. 320 с.

Перескоков М.Л. К вопросу о верхней дате существования гляденовской культуры: динамика культурной трансформации // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1. С. 34–49.

Перескоков М.Л. Комплексы III века гляденовской культуры Пермского Прикамья (к вопросу об интеграции в систему связей Восточной Европы) // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1 (56). С. 48–71. DOI: http://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-1-48-71

Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н.э. – середина VI в. н.э.). Автореф. дис… канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1980. 18 с.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Б.и., 2001. С. 10–19.

Радюш О.А., Кубик А. Шлемы многосегментной конструкции у восточных врагов поздней римской империи: находки из Царицыно (Рязанская обл.) и их место в оружиеведческом дискурсе // Лесная и лесостепные зоны восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 84–102.

Рудинський М.Я. Кантамирівські могили римської доби // Зап. ВУАК. Т. 1. Київ: ВУАК, 1930. С. 127–158.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Урала. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с. (МИА. № 28)

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // / Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–113. (МИА. № 58)

Смирнов И.Н. Материалы по доисторической археологии России… Пермская и Вятская губернии. Экскурсии проф. Смирнова // Записки РАО. Н.с. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб.: Тип. П.Н. Скороходова, 1896. С. 189–211.

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых: Атлас рисунков. С предисловием Члена Императорской Археологической Комиссии А.А. Спицына. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1902. 70 с. (МАР. Вып. № 26)

Сунгатов Ф.А. Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов

(Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.

Храпунов И.Н. Раскопки Булганакского городища (1961–1984 гг.) // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 40–45.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (3–4 вв. н.э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 314 s.

Храпунов И.Н. Инновации IV в. н.э. в культуре населения крымских предгорий // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 3. С. 80–91. DOI: http://doi.org/10.18503/1992-0431-2021-3-73-80–91

Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура. Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1983. 16 с.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Уфа, 1929. С. 1–28.

Gening V.F. Völkerwanderungszeitlische Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 1. B.; Mainz/Rhein, 1995. S. 265–327.

Schmidt A.V. Kacka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.) // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. 1. 1927. S. 18–50.

REFERENCES

Archeology of Komi Republic. DiK, Moscow, 1997, 758 p. (In Russ.)

Belitskaya, A.L. 2014, "Destroyed Burials of Burial Mounds in European Northeast", *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Kazani* ("Proceedings of IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan"), vol. 2, Otechestvo, Kazan, pp. 279–282. (In Russ.)

Belitskaya, A.L. 2015, "On the question of the cultural unity of the burial mounds of the European North-East", *Russian Archaeology*, no. 2, pp. 101–109. (In Russ.)

Belitskaya, A.L. 2016, "Purposeful Destruction of Burial Mounds in European Northeast", *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebalnye ritualy, simvolicheskie zahoroneniya i ogrableniya. Trudy IIMK RAN* ("Ancient Necropolises and Settlements: Post-Burial Rituals, Symbolic Burials and Robberies. Proceedings of IIMK RAN"), vol. 46, IIMK RAN, Nevsky Book Printing House, St. Petersburg, pp. 179–188. (In Russ.)

Belitskaya, A.L. 2018, "Problematics of Studying Ethnocultural Processes in European Northeast in Middle of 1st Millennium AD," *XXI Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie, posvyashchennoye 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasilyeva. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 8–11 oktyabrya 2018* ("XXI Ural Archaeological Meeting Devoted to 85th Anniversary of G.I. Matveeva and 70th Anniversary of I.B. Vasilyev. Materials of the International Conference with Foreign Participants, 8–11 October 2018"), SGPU, Samara, pp. 266–268. (In Russ.)

Bulychov, N.I. 1902, *Antiquities from Eastern Russia. Iss. 1*. A.I. Mamontov Printing Company, Moscow, 30 p. (In Russ.)

Bulychov, N.I. 1904, *Antiquities from Eastern Russia. Iss. 2.* Art Printing Society, St. Petersburg, 15 p. (In Russ.)

Gening, V.F. 1953, "Brodovsky Burial Ground", *KSIIMK*, iss. 52, pp. 87–98. (In Russ.)

Gening, V.F. 1958, *Archaeological Sites of Udmurtia*. Udmurt Book Publishing House, Izhevsk, 192 p. (In Russ.)

Gening, V.F. 1959a, "Necropolis Kachka", *Otchety Kamskoy (Vyatskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii* ("Reports of Kama (Vyatka) Archaeological Expedition"), iss. 1, IA AN USSR, Moscow, pp. 196–209. (In Russ.)

Gening, V.F. 1959b, "Essay on Ethnic Cultures of Kama Region in Iron Age", *Trudy KFAN SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk* ("Proceedings of KFAN of USSR. Humanities Series"), iss. 2, pp. 157–219. (In Russ.)

Gening, V.F. 1965, "Nevolin Monuments and Their Place in History of Ural Population", *Acta Archeologica Hungarica,* vol. XVII, fas. 1–4, Budapest, pp. 335–342. (In Russ.)

Gening, V.F. 1967, "Mazunin Culture in Middle Kama Region", *Pamyatniki mazuninskoy kul'tury* ("Monuments of Mazunin Culture"), UrGU, Izhevsk, Sverdlovsk, pp. 7–84. (In Russ.)

Gening, V.F. 1976, "Turaevsky necropolis of 5th Century A.D. (Burial of Military Leaders)", *Iz arkheologii Volgo-Kamya* ("From Archeology of Volga-Kama Region"), IYaLI KFAN USSR, Kazan, pp. 55–108. (In Russ.)

Gening, V.F., Goldina, R.D. 1973, "Burial mounds of the Kharinsky type in the Upper Kama region", *Voprosy archeologii Urala*, vol. 12, pp. 58–87. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1968, "To Issue of Originality of Nevolin Monuments from Sylva River Basin", *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta* ("Scientific Notes of Perm State University'), no. 191, pp. 87–98. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1977, "To Issue of Cultural Unity of Lomovatov Monuments", *Drevnosti Volgo-Kamya* ("Antiquities of Volga-Kama Region"), pp. 42–51. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1985, *Lomovatov Culture in Upper Kama Region*. Publishing House of Irkutsk University, Irkutsk, 279 p. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1986, "Studies of Kurgan Part of Brodovsky Burial Ground", *Priuralye v drevnosti i srednie veka* ("Urals in Antiquity and Middle Ages"), UdGU, Ustinov, pp. 49–98. (In Russ.)

Goldina, R.D. 2003, *Tarasov necropolis of 1st-5th Centuries on Middle Kama*. Vol. 2, Udmurtia, Izhevsk, 724 p. (In Russ.)

Goldina, R.D., Bernts, V.A. 2010, *Turaevsky I Burial Ground – Unique Monument during Great Migration of Peoples in Middle Kama Region (non-burial part)*. UdGU, Izhevsk, 499 p. (In Russ.)

Goldina, R.D., Leshchinskaya, N.A., Makarov, L.D. 2014, "Diaries of Excavations at Burial Grounds Dated First Half of 1st Millennium A.D. in Vyatka River Basin", *Leshchinskaya N.A. Vyatskiy kray v pyanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov I–V vv. n.e.)* ("Leshchinskaya N.A. Vyatka Krai in Pyanobor Epoch (based on the materials of funerary monuments of the 1–5 centuries A.D.)"), UdGU, Izhevsk, pp. 212–445. (In Russ.)

Goldina, R.D., Perevozchikova, S.A., Goldina, E.V. 2018, *Burial Ground of 6–9th Centuries near Verkh-Saya Village in Kungur Forest-Steppe*. UdGU, Izhevsk, 720 p. (In Russ.)

Goldina, R.D., Chernykh, E.M. 2011, *Archaeological Map of Karakulinsky District, Udmurt Republic.* UdGU, Izhevsk, 168 p. (In Russ.)

Kazantseva, O.A. 2021, "The ritual of twin burials in Kudashevsky I burial ground of Perm Prikamye", *Yearbook of Finno-Ugric studies*, vol. 15, iss. 2, pp. 341–353. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.35634/2224-9443-2021-15-2-341-353

Krasnoperov, A.A. 2007, "To Definition of Upper Boundary and Internal Periodization of Mazunin Culture", *Formirovanie i vzaimodeystvie uralskikh narodov v izmenyayushcheysya etnokulturnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Salnikova. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* ("Formation and Interaction of Ural Peoples in Changing Ethno-Cultural Environment of Eurasia: Problems of Study and Historiography. Readings in Memory of K.V. Salnikov. Proceedings of International Conference"), Kitap, Ufa, pp. 265–275. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2012, "Polychrome Objects with Cloisonne Inlay in Kama Region ("Dogunsky" Style of Cloisonne Inlays)", *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epoh rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3* ("Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe during Roman Influences and Great Migration of Peoples. Conference 3"), Kulikovo Pole State Museum-Reserve, Tula, pp. 218–254. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2018a, "Scabbards from Ust-Sarapul Burial Ground in connection with Finds in Druzhnoye and Neyzats Necropolises in Crimea", *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.) IV.* ("Crimea in Sarmatian Era (2nd century BC – 4th Century AD). IV"), IP Brovko A.A., Simferopol, pp. 116–126. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2018b, "Anachronisms in Grave Goods. Artefacts of the Pyany Bor Culture in the Mazunino Culture Burials: the changing of the times in the Kama Region", *Archeology of the Eurasian steppes*, no. 1, pp. 56–86. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2019, "Buckle from the Brody burial ground (Prikamye) in the context of polychrome belt-garnitures and jewellery styles", *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4. Chast 2* ("Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe during Roman Influences and Great Migration of Peoples. Conference 4. Part 2"), Kulikovo Pole State Museum-Reserve, Tula, pp. 103–190. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. *Scientific Report on Research of IIYaL Archaeological Expedition in 1959 in Northern Regions of Bashkiria*. Archive of IA RAN, R–1, no. 2005a. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. *Scientific Report on Archaeological Research of IIYaL in Birsky, Pokrovsky, Nurimanovsky Districts of BASSR for 1960.* Archive of IA RAN, R–1, no. 2105a. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. 1968, *Bakhmutinskaya culture. Ethnic history of the population of the Northern Bashkiria in the 1st millennium AD*. Nauka, Moscow, 164 p. (In Russ.)

Malashev, V.Y. 2000, "Periodization of Belt Sets of Late Sarmatian Time", *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* ("Sarmatians and Their Neighbors on Don"), pp. 194–232. (In Russ.)

Malashev, V.Y., Gadzhiev, M.S., Ilyukov, L.S. 2015, *The Country of Maskuts in Western Caspian Sea. Burial Mounds of Caspian Dagestan 3d–5th Centuries*. Mavraev, Makhachkala, 452 p. (In Russ.)

Mingalev, V.V., Pereskokov, M.L. 2016, "Chronology and Cultural Affiliation of Kalashnikov Burial Mound (based on the materials of excavations in 1982 and 2012)", *XV Baderovskie chteniya po arkheologii Urala i Povolzhya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Perm', 9–12 fevr. 2016 g.)* ("XV Bader Readings on Archeology of Urals and Volga Region: Materials of the All-Russian Research-to-Practice Conference (Perm, February 9-12, 2016)"), PGNIU, Perm, pp. 145–154. (In Russ.)

Mineeva, I.M. 2004, *Archaeological Research in Museums of Bashkortostan: Research Experience and Contemporary Problems*. Gilem, Ufa, 204 p. (In Russ.)

Report of Imperial Archaeological Commission for 1900. Printing House of the Main Department of the Estates, St. Petersburg, 1902, 173 p. (In Russ.)

Report of Imperial Archaeological Commission for 1901. Printing House of the Main Department of the Estates, St. Petersburg, 1903, 198 p. (In Russ.)

Oblomsky, A.M. 2002, *Dnipro Forest-Steppe Left Bank in Late Roman and Hunnic Times (middle 3rd – first half of 5th century AD)*. Nauka, Moscow, 522 p. (In Russ.)

Oborin, V.A. 1961, "Certain Results and Tasks of Studying Iron Age in Upper and Middle Kama Region", *Vtoroe Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie pri Uralskom universitete 1–7 fevralya 1961 goda. Itogi i problemy izucheniya arkheologii Urala* ("Second Ural Archaeological Meeting at Ural University on February 1–7, 1961. Results and Problems of Studying Archeology of Urals"), UrGU, Sverdlovsk, pp. 53–65. (In Russ.)

Ovchinnikov, F.V. 2005, "On Origin of Harin Belt Headset (to issue of Origin of Harin Type Culture)", *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekovya evropeyskogo Severo-Vostoka* ("Monuments of Stone Age, Early Metal Age and Middle Ages in European Northeast"), Komi NC UrO RAN, Syktyvkar, pp. 47–61. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1983, *Mazunin Culture in Middle Kama Region. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Moscow, 18 p. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1984, "Two Monuments of Mazunin Culture in Central Udmurtia", *Poiski, issledovaniya, otkrytiya* ("Search, Research, Discovery"), Udmurtia, Izhevsk, pp. 26–92. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1992, *Pokrovsky Burial Ground. Catalogue of Archaeological Collection*. Alfavit, Izhevsk, pp. 1–94. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1997, *Population of Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries*. UIIYaL UrO RAN, Izhevsk, 327 p. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2014, "Cultural and Chronological Horizon of Turaevo – Kudash: Theoretical Aspect", *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Kazani* ("Proceedings of IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan"), vol. 2, Otechestvo, Kazan, pp. 378–381. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2017, "Mound with military burial of V century from the Kala-Uryn cemetary", *Perm University Herald. History,* no. 1, pp. 84–97. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-84-97

Pereskokov, M.L. 2018a, "Archaeological Criteria of Social Structure of the Population of the Perm Kama Region at the Late Stage of the Glyadenovo Culture (based on the materials of the Mokino burial ground, 3rd–5th/6th centuries AD)", *Stratum Plus*, no. 4, pp. 47–70. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2018b, *Perm Cis-Ural region at the end of the Early Iron Age*. Izdatel'skiy centr «PermUniversityPress», Perm, 320 p. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2020, "On the question of the upper date of the existence of Glyadenovo culture: dynamics of cultural transformation", *Perm University Herald. History*, no. 1, pp. 34–49. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2022, "Complexes of the 3d century of the Glyadenovo culture of the Perm Kama region (problem of integration into the system of communications of Eastern Europe)", *Perm University Herald. History*, no. 1(56), pp. 48–71. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-1-48-71

Polyakov, Y.A. 1980, *Glyadenovskaya Culture in Middle and Upper Kama Region (3rd Century BC – Middle of 6th Century AD). Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Moscow, 18 p. (In Russ.)

Polyakov, Y.A. 2001, "Glyadenovskaya Culture", *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priuralya* ("Archeology and Ethnography of Middle Urals"), iss. 1, Berezniki, pp. 10–19. (In Russ.)

Radyush, O.A., Kubik, A. 2019, "Helmets of Multi-Segment Construction in Eastern Enemies of Late Roman Empire: Finds from Tsaritsyno (Ryazan Region) and Their Place in Weapons Discourse", *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4. Chast 2* ("Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe during Roman Influences and Great Migration of Peoples. Conference 4. Part 2"), Kulikovo Pole State Museum-Reserve, Tula, pp. 84–102. (In Russ.)

Rudinsky, M.Ya. 1930, "Kantamirovsky graves of the Roman era", *Zapiski VUAK* ("Notes of VUAK"), vol. 1, VUAK, Kiev, pp. 127–158. (In Ukrainian)

Smirnov, A.P. 1952, *Essays on Ancient and Medieval History of Peoples in Volga Region and Urals*. AN SSSR, Moscow, 274 p. (MIA, no. 28) (In Russ.)

Smirnov, A.P. 1957, "The Iron Age in Bashkiria", *MIA*, no. 58, pp. 5–113. (In Russ.)

Smirnov, I.N. 1896, "Materials on Prehistoric Archeology of Russia… Perm and Vyatka Provinces. Excursions by Prof. Smirnov", *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya* ("Notes of Imperial Russian Archaeological Society. New Series"), vol. VIII, iss. 1–2, P.N. Skorokhodov Printing House, St. Petersburg, pp. 189–211. (In Russ.)

Spitsyn, A.A. 1902, *Antiquities of Kama Chud from Teploukhovs Collection: Atlas of Drawings. With a foreword by a member of the Imperial Archaeological Commission A.A. Spitsyn*. Printing House of V. Bezobrazov and Co, St. Petersburg, 70 p. (Materials on archeology of Russia. Iss. no. 26) (In Russ.)

Sungatov, F.A. Garustovich, G.N., Yusupov, R.M. 2004, *Urals during Great Migration of Peoples (Staro-Mushta burial mound)*. Ufa Printing Plant, Ufa, 172 p. (In Russ.)

Khrapunov, I.N. 1987, "Excavations of Bulganak Settlement (1961-1984)", *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* ("Brief Reports of the Institute of Archeology"), iss. 191, pp. 40–45. (In Russ.)

Khrapunov, I.N. 2002, *Druzhnoe Burial Ground (3-4 centuries AD)*. Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin. 314 p. (In Russ.)

Khrapunov, I.N. 2021, "The fourth-century AD innovations in the culture of the Crimean submountain area population", *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 3, pp. 80–91. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.18503/1992-0431-2021-3-73-80–91

Chesnokova, N.N. 1983, *Vanvizdinskaya Archaeological Culture. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Leningrad, 16 p. (In Russ.)

Schmidt, A.V. 1929, "Archaeological Surveys of Bashkir Expedition by USSR Academy of Sciences", *Hozyaystvo Bashkirii* ("The Economy of Bashkiria"), no. 8–9, pp. 1–28.

Gening, V.F. 1995, "Völkerwanderungszeitlische Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland", *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens,* Band 1, Mainz, Rhein, 265–327 p. (In German)

Schmidt, A.V. 1927, "Kacka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Os-trusslands in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.)", *Eurasia Septen-trionalis Antiqua,* vol. 1, pp. 18–50. (In German)

Сведения об авторе

Александр Анатольевич Красноперов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7931-4536

Information About the Author

Aleksandr A. Krasnopeorov, Ph.D., researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Russian Federation, Izhevsk. E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7931-4536